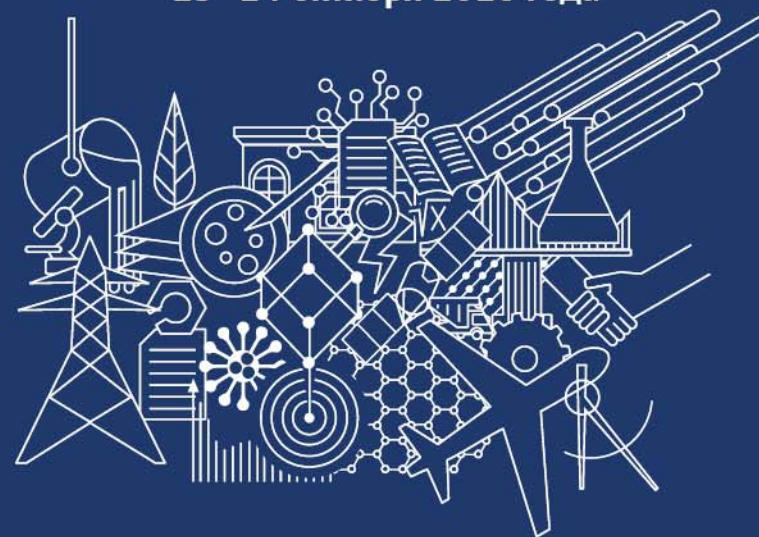


# КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Труды XII Международной  
научно-теоретической конференции

23–24 октября 2020 года



Санкт-Петербург  
2020

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ  
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА



Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ  
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

---

# КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Труды XII Международной  
научно-теоретической конференции

23–24 октября 2020 года



**ПОЛИТЕХ-ПРЕСС**

Санкт-Петербургский  
политехнический университет  
Петра Великого

Санкт-Петербург  
2020

УДК 1/316.77(130.1) + (303.01) + (159)  
ББК 60

**Коммуникативные стратегии информационного общества** : труды XII Междунар. науч.-теор. конф., 23–24 октября 2020 г. – СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. – 363 с.

В публикуемых материалах обсуждаются особенности коммуникативного пространства современного социума, проблемы социального управления в информационном обществе, соотношение стратегий глобализации и коммуникации, особенности мотивации и манипуляции сознанием, образовательные и человеческие ресурсы в социотехнических системах. В центре внимания – коммуникативные практики, обращенные к человеческому фактору, выделяющие ресурсы рефлексии, убеждения, понимания, свободного выбора.

Материалы докладов печатаются в авторской редакции.

Оргкомитет конференции:

*В. В. Сергеев* (проректор СПбПУ – председатель),  
*О. Д. Шипунова* (заместитель председателя), *В. Н. Волкова*, *С. В. Кулик*,  
*Н. А. Ащеулова*, *И. П. Березовская*, *Д. С. Быльева*, *С. В. Клягин*,  
*Д. И. Кузнецов*, *И. В. Коломейцев*, *Г. Ф. Малыхина*,  
*А. В. Логинова*, *С. В. Широкова*

Ответственный за выпуск – профессор кафедры общественных наук  
СПбПУ *О. Д. Шипунова*

Печатается по решению  
Совета по издательской деятельности Ученого совета  
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

© Санкт-Петербургский политехнический  
университет Петра Великого, 2020

**Секция 3. Коммуникативные стратегии в государственном управлении и общественном самоуправлении**  
**Section 3. Communicative strategies in state administration and public self-government**

УДК 94(47+57)  
ББК 63.3(2)5

И.В. Сидорчук  
Ilya Sidorchuk  
sidorchuk\_iv@spbstu.ru

**Историческая символика и проблема коммуникации власти и общества в позднеимперской России**  
**Historical symbols and the problem of communication between power and society in late Imperial Russia**

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого*  
*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*

В исследовании рассмотрена история обращения царской власти к исторической символике в позднеимперский период на примере устройства празднования юбилейных дат национальной истории. Автор приходит к выводу, что понимание перспективности обращения к историческим символам в рамках выстраивания диалога с обществом и конструктивной коммуникации с ним с целью выработки выгодной стратегии презентации власти не сопровождалось эффективными мерами по его реализации. В результате подобная неудачная политика могла становиться дополнительным поводом к социальной конфронтации, а в перспективе усилить революционное стремление к историческому ревизионизму в его радикальных и примитивных формах.

Ключевые слова: история повседневности, политика памяти, история досуга, городская история, историческая символика.

The study examines the history of the appeal of the tsarist government to historical symbols in the late Imperial period on the example of the organization of national historical anniversaries celebrations. The author comes to the conclusion that understanding the perspectives of using historical symbols as part of building a dialogue with society and constructive communication with it in order to develop a profitable strategy for presenting power was not accompanied by effective measures for its implementation. As a result, such an unsuccessful policy could become an additional reason for social confrontation, and in the future strengthen the revolutionary desire for historical revisionism in its radical and primitive forms.

Keywords: history of everyday life, politics of memory, history of leisure, urban history, historical symbols.

Активное участие в процессе выстраивания и корректирования исторической памяти является характерной особенностью практически любого современного государства. Обращение к историческому наследию – один из излюбленных приемов власти, стремящейся к укреплению собственного престижа в глазах населения и внешнеполитических партнеров. Ссылки на прошлое охотно используются для мобилизации общества, дискредитации политических противников, в истории

осуществляется поиск ориентиров при определении вектора национального развития. Таким образом, история является важной формой коммуникации с обществом и непродуманность политики в этой области чревата самыми негативными для власти последствиями, включая угрозу ее делегитимации. Отечественная история дает массу подобных примеров, равно как и противоположных, демонстрирующих действенность последовательной работы с исторической памятью.

Обращение к истории было одним из традиционных способов символической презентации власти различным слоям общества в царской России, где она стремилась контролировать и направлять оценки и интерпретации национального прошлого. С этой целью, в частности, устраивались праздники значимых исторических событий, которые должны были создать иллюзию государственного благополучия и убедить население «в непоколебимости самодержавия и сплотить вокруг трона, предав забвению классовые, политические и религиозные разногласия» [1, с. 101-102]. В последние предреволюционные годы широкие народные гуляния проводились по случаю годовщины основания Санкт-Петербурга, Полтавской битвы, Бородинского сражения и, конечно, 300-летия дома Романовых. К истории отсылали и горящие светом вензеля из букв членов царской семьи с коронами, которыми украшались казенные и городские здания в «царские» дни [2, с. 303]. Недостаточно пышная и богатая атмосфера празднеств понималась властью как серьезная недоработка или халатность. Так, Санкт-Петербургский градоначальник Д.В. Драчевский в письме 11 октября 1907 г. следующим образом выражал свое недовольство городскому голове Н.А. Резцову: «Украшение столицы флагами и вечерняя иллюминация в Высочотржественные дни в последнее время заметно сократилась, производя своим жалким видом крайне неблагоприятное впечатление, не соответствующее значению ЦАРСКОГО дня и положению Петербурга, как резиденции ИМПЕРАТОРА. Полагая, что владельцы казенных и городских зданий должны служить в этом отношении примером для прочих обывателей столицы, я считаю уместным обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой не отказать в принятии на себя забот к возможно лучшему украшению в ЦАРСКИЕ дни как здания Городской Думы, так и прочих городских сооружений. При этом позволяю себе также обратить внимание Ваше на необходимость замены старых флагов новыми, и обновления вензелевых изображений и прочих иллюминационных приборов» [3].

Историческая символика, использовавшаяся при проведении празднеств, должна была воскрешать в памяти обывателя определенные события и имена. Столичный юбилей 1903 г. запомнился флотилией разукрашенных судов на Неве, галерой петровских времен [4] и солдатами в форме петровских гвардейцев. В дни 100-летнего юбилея Бородинской битвы, центр празднования которого находился в Москве, казенные, городские и частные дома украшались изображениями не только Николая II и Александры Федоровны, но и Александра I. В частности, их бюсты были помещены между растениями на балконе с золочеными перилами дома генерал-губернатора на Тверской [5]. Невиданного доселе масштаба отсылки к истории достигли в период празднования 300-летия династии Романовых в феврале 1913 г. Толпы обывателей,

заполнившие улицы, неизменно встречали напоминания о славной истории правящей династии, поданные как можно более эффектно благодаря техническим новинкам: «Вчера во всей столице горело для иллюминации в общей сложности до 1.500,000 лампочек. <...> Выставленные в центре Гостиного двора среди зелени и драпировочных ковров бюсты Государя Императора, Государыни Императрицы и царя Михаила Федоровича были залиты морем огня. Отдельные группы любопытных проходили по панели с криками “ура”. <...> Тысячи любопытных окружали грандиозную “шапку Мономаха” в центре Казанского сквера. <...> Кроме того, на фасаде Адмиралтейства, со стороны набережной, были установлены особые проекционные фонари, которые давали изображения портретов Государя Императора Михаила Федоровича и других государей династии» [6. См. также: 7-8]. Также активно раздавались брошюры, в которых описывались достижения государей за прошедшие три столетия [9].

Власть стремилась наполнить историческими символами не только уличное пространство. Например, печатались почтовые карточки с изображениями царей династии [10, р. 136-170]. Большое внимание было уделено просветительским и развлекательным мероприятиям для разных категорий населения. В столичных школах учителя знакомили учеников с историей дома Романовых, а в армии читались популярные лекции с демонстрацией световых картин [9, с. 87]. В Народном доме в Санкт-Петербурге «днем и вечером шли патриотические пьесы: “Избрание на царство Михаила Федоровича” и “Жизнь за Царя”» [11]. Подобную ориентацию именно на массового, простого зрителя Р.С. Уортман объяснял отношением к прошлому Николая II, в отличие от предшественников ориентировавшегося не на Петра I, а на его отца, Алексея Михайловича, правление которого понималось им как время подлинного взаимопонимания царя с народом [12, р. 392].

Исследователи в целом сходятся во мнении, что данная политика в области исторической памяти не принесла видимых дивидендов власти, а, наоборот, могла еще больше настроить против себя, обрушив революционный гнев масс не только на настоящее, но и прошлое. Помпезные церемонии диссонировали с действительностью, на фоне которой они проводились, имперская идея подавалась только в обертке православия, «вместо празднования реальных достижений, нынешних или былых, власти эксплуатировали мифологизированное прошлое», а из-за мер безопасности основная часть населения могла участвовать в торжествах лишь формально [1, с. 105-106]. Увлеченность власти организацией празднеств превращала их из чего-то особенного и экстраординарного в обыденное и заурядное событие, что снижало к ним интерес [2, с. 160]. Они не становились средством консолидации общества, а скорее были демонстрациями монархического взгляда на политическую систему, ищущего поддержку в массах [12, р. 403]. Подвергался критике и предлагаемый подход к интерпретации исторических событий. В частности, петербургская интеллигенция болезненно восприняла отсутствие в праздновании 300-летия Романовых символического признания важнейших с точки зрения гражданского общества перемен



в истории России – реформ Александра II и Манифеста 1905 г., сознательно проигнорированных организаторами [13, с. 246-247].

Таким образом, понимание властью перспективности обращения к историческим символам в рамках выстраивания диалога с обществом и продвижения собственных интересов и установок далеко не всегда предопределяет успех в достижении этих целей, и Российская империя в последние годы своего существования представляет яркий тому пример. Из перспективного способа коммуникации связанная с национальной исторической памятью символика превратилась в очередной способ безуспешного навязывания обществу опостылевшего официоза. Трата сил и ресурсов на организацию празднеств по случаю юбилея исторических событий зачастую приводила к абсолютно другим последствиям, нежели те, на которые рассчитывали их организаторы, и впоследствии лишь усилила революционное стремление к историческому ревизионизму в его радикальных и примитивных формах.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32017. The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-32017.*

#### Литература:

1. Цимбаев К.Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX -начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98-108.
2. Лиманова С.А. Официальные церемонии в городском пространстве Петербурга и Москвы в царствование Николая II. Дисс. на соиск. учен. ст. к.ист.н. М., 2013.
3. Письмо Санкт-Петербургского градоначальника Д.В. Драчевского Санкт-Петербургскому городскому голове Н.А. Резцову от 11 октября 1907 г. (Копия) // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф.769. Оп. 1. Д. 312. Л. 34.
4. Освещение маяков // Петербургская газета. 1903. № 105. 19 апреля. С. 2.
5. К. Юбилейное убранство Москвы // Московский листок. 1912. № 197. 28 августа. С. 4-5.
6. Петербург в иллюминационных огнях // Петербургский листок. 1913. № 52. 22 февраля. С. 4.
7. 300-летие царствования Дома Романовых // Газета-копейка. 1913. 22 февраля. № 1653. С. 2-3.
8. Брешко-Брешковский Н. С праздничной толпой // Петербургская газета. 1913. № 53. 23 февраля. С. 3.
9. Лиманова С. Последний юбилей империи. Торжества в честь 300-летия династии Романовых в Петербурге и Москве // Родина. 2012. № 12. С. 85-88. С. 87.
10. Rowley A. Open Letters: Russian Popular Culture and the Picture Postcard 1880-1922. University of Toronto Press, 2013.
11. Иллюминованный и украшенный Петербург. На народных гуляниях. В народном доме // Петербургская газета. 1913. № 52. 22 февраля. С. 4.
12. Wortman R.S. "Invisible threads": The historical imagery of the Romanov tercentenary // Russian History. 1989. Vol. 16. No. 2/4. P. 389-408.
13. Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894-1914. М., 2016.